

A.A. Soldatkin
Regional Policy:
Modern Ethno-Political Context
(Case Study of the Saratov Region)

Based on regional studies records, issues of adaptation and integration of migrants from other cultures arriving in the region are considered. Interethnic interaction issues, as well as ways and mechanisms of interaction between the host community and migrants are analyzed. Special attention is given to the regional approach of the host community towards migrants in the context of socio-economic crisis and the structural competition increase.

Key words and word-combinations: region, migration, ethnicity, social policy, adaptation, integration.

На основе материалов региональных исследований рассматриваются вопросы адаптации и интеграции инкультурных мигрантов, прибывающих в регион. Анализируются вопросы межэтнической коммуникации, способы и механизмы взаимодействия между принимающим сообществом и мигрантами. Особое внимание уделяется отношению принимающего регионального сообщества к мигрантам в контексте социально-экономического кризиса, роста структурной конкуренции.

Ключевые слова и словосочетания: регион, миграция, этничность, социальная политика, адаптация, интеграция.

УДК 323.1
 ББК 66.094

А.А. Солдаткин

**РЕГИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА:
 СОВРЕМЕННЫЙ
 ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЙ
 КОНТЕКСТ
 (на примере
 Саратовской области)**

Вопросы миграции и миграционной политики сегодня занимают одно из основных мест в доминирующем политическом дискурсе как стран Евразии, стран Персидского залива, так и России. Особенно это касается приграничных территорий. Значительная часть мигрантов этнокультурно (лингвистически и фенотипически) отличается от основной массы принимающего населения. Восприятие мигрантов как «видимых других / иных» часто порождает настороженность, неприязнь, а иногда и реальные конфликтные ситуации.

Под воздействием доминирующего политико-экономического дискурса, в основном транслируемого посредством СМИ, россияне воспринимают мигрантов как потенциальную угрозу существующему социальному порядку, способную видоизменить этнокультурный, лингвистический и политический ландшафт отдельных локальных территорий [1]. «Привнесенная этничность» за счет миграции часто ассоциируется у большинства местного населения с появлением новых нормативных культур, новых правил, а также отдельных этнических анклавов, часто живущих изолированно [2].

Важно отметить, что значительная часть жителей России из-за низкого уровня территориальной мобильности и доминирующих установок на оседлость практически не

имеют опыта общения с представителями иных культур в их странах исхода. Общение с «видимыми другими» строится на стереотипах и установках, полученных (и усвоенных) как в процессе социализации (школа, армия, вуз и т.д.), так и в процессе текущего потребления информационных потоков (радио, телевидение, Интернет, социальные сети). В этой ситуации можно с высокой долей уверенности утверждать, что имеет место «этнокультурная слепота»: в процессе выстраивания отношений с мигрантами значительная часть жителей России не разбирается в особенностях социальной, конфессиональной и лингвистической культуры, не различает их фенотипически. Классический ответ респондента в исследовании на вопрос о различиях часто звучит так: «Мне все равно, кто он — таджик или азербайджанец, они все одинаковые...» [3, с. 55]*.

Согласно статистическим данным УФМС России по Саратовской области основная масса мигрантов приезжает в регион из Закавказья и республик Средней Азии [4]. Пересекая регион транзитом, они следуют в более привлекательные для трудовых («маятниковых») мигрантов регионы и города (Москву, Московскую область, Санкт-Петербург, Ленинградскую область и т.д.), практически не останавливаясь в приграничных районах.

Однако основная масса претензий жителей страны в целом и региона в частности в отношении инокультурных мигрантов относится к жителям Северного Кавказа. Так, в 2014 г. за ограничение въезда для «выходцев с Кавказа» в их город / поселение / регион на постоянное место жительства и на заработки высказалось 63% россиян, а за ограничение проживания на территории России — 38% [5]. В Саратовской области при ответе на аналогичный вопрос соотношение составило 53% и 21% соответственно [6].

Анализ показывает, что причиной столь негативного контекста межэтнических отношений при переходе от количественных к качественным оценкам является доминирующее представление россиян, и жителей Саратовской области в частности, что «северокавказцы оказываются наиболее проблемными, пренебрегающими правилами и нормами поведения, принятыми за пределами их малой родины» [7]. Безусловно, существуют объективные причины для формирования столь неоднозначного отношения к выходцам из республик Северного Кавказа, основанные на реальных конфликтах, исторических травмах. Несмотря на все прилагаемые федеральными и региональными властями усилия по гармонизации межэтнических отношений, доминирующее общественное сознание идентифицирует их как «чужих / других / иных», хотя они являются гражданами России, и их права, свободы определяются Конституцией РФ, включая право на свободу передвижения и выбор места жительства.

Ситуация с инокультурными мигрантами демонстрирует, что потенциал консолидации локальных сообществ и миграционных сообществ заключается в разработке, реализации предельно открытой и при этом достаточно прагматичной, реалистичной региональной и муниципальной политики, направленной

* Для написания статьи были использованы материалы исследования по проекту РФФИ № 14-06-00117 «Миграционные риски России: анализ интеграционных перспектив», ИЭА РАН, 2014–2016; (руководитель региональной группы К.С. Мокин).

ной не только на кратко- и средневременную адаптацию, но и на возможную последующую интеграцию мигрантов в принимающие локальные российские сообщества [8]. При этом ключевым вопросом является не столько готовность миграционных сообществ к адаптации и интеграции, сколько готовность «большинства» включить мигрантов в свое социально-культурное сообщество. Мигранты, пусть и не без определенных проблем, достаточно быстро адаптируются к принимающему сообществу. В противовес этому, принимающее сообщество обладает значительным социально-культурным и политическим инерционным потенциалом, основанным на «естественной стратификации», дихотомии «свои — чужие».

Применительно к (им)мигрантам интеграцией считается процесс встречного движения культуры местного сообщества и культуры приезжих, формирующий в итоге некую «гибридную» нормативную культуру, основанную на смешении исходных, часто противоречивших друг другу. Это процесс, при котором мигрантов воспринимают и как группу, и как отдельных субъектов отношений (социальных, культурных, экономических) и при этом отождествляют с конкретным этнокультурным комплексом, предписанным извне.

Априори считается, что стремление к адаптации и последующей интеграции должны проявлять представители миграционных сообществ, заинтересованные в получении специфического социального статуса, своего рода «социальной прописки» / «социального гражданства» в конкретном локальном сообществе. Значимость и роль доминирующего сообщества в процессе взаимной интеграции при оценке сводится, как правило, к потенциальной ответственности за формирование, установление и контроль соответствующих нормативных практик. Предполагается, что, с одной стороны, мигранты и миграционные сообщества в регионе должны участвовать в экономической, социальной и политической жизни, уважать государствообразующие (фундаментальные) ценности и нормы, а с другой стороны, им предоставляется право и возможность сохранения своей этнокультурной, лингвистической и конфессиональной идентичности [9].

Основными общепринятыми критериями интеграции инокультурных сообществ, с точки зрения экспертов, выступают следующие:

- самоидентификация с жителями локальных сообществ (приписка себя к конкретной социально-территориальной группе);
- использование государственного (русского) языка в повседневном общении внутри принимающего локального сообщества (в магазинах, при встрече, личном общении и т.д.);
- взаимная позитивная оценка отношений между принимающим сообществом и (им)мигрантской группой / ее отдельными представителями;
- отсутствие агрессии иных этнических групп, способных спровоцировать «структурную» конкуренцию на рынках труда, возможностей социальной и политической (само)реализации [10].

На основании данных критериев выделяются как минимум три группы мигрантов: интегрированные в местное (локальное) сообщество, частично интегрированные и неинтегрированные.

В первую группу входят те, кто полностью ассоциирует себя с местным сообществом, местными жителями, разделяет их ценностно-мотивационные и культурные установки, владеет языком. Сюда же могут быть отнесены лица, которые отвечают следующим критериям: не только считают русский язык языком общения в обществе, но и признают его как второй родной; не оценивают межэтнические отношения в своем населенном пункте как отношения «открытых конфликтов»; не согласны с предлагаемым в анкете тезисом, что «местные жители никогда не будут считать “своими” приезжих из других государств и регионов России».

Так, образованные представители стран Закавказья (Армении, Азербайджана, Грузии), хорошо знающие русский язык и владеющие социально значимыми профессиями (врач, педагог), достаточно быстро и успешно интегрируются в местное сообщество; в то же время граждане России — представители Северного Кавказа, выполняющие сезонные работы в сельском хозяйстве или на стройках, вызывают отторжение и неприятие у местных жителей.

При этом, как ранее отмечалось, важнейшим аспектом выстраивания отношений между мигрантами и принимающим сообществом выступает опыт личных отношений местного населения с иммигрантами. Лишь немногим (около 10%) из местного населения в повседневной жизни с определенной частотой приходится сталкиваться с иностранными (трудовыми) мигрантами. Подавляющее большинство жителей региона (72%) никогда с ними не сталкивались либо не воспринимали встреченных как иммигрантов. Подобная ситуация является вполне объяснимой.

В современных условиях в Саратовской области, которая является транзитным узлом миграционного трафика «Восток—Запад», много сезонных (экономических, циклических) мигрантов. Все они, как правило, если работают в публичной сфере, то обладают достаточной языковой компетенцией, навыками публичного общения, знают особенности социальной и бытовой жизни. Соответственно, местное население их чаще всего воспринимает как «своих», приехавших из восточных (пограничных) районов региона. В других случаях инокультурные мигранты, прибывшие на стройки или на иные работы, «не видны», поскольку находятся (работают, проживают) на территории объектов строительства, где им создается вся необходимая инфраструктура. Иными словами, иностранные трудовые мигранты локализованы и ни в какой мере не присутствуют в публичной сфере конкретного локального сообщества.

В группу неинтегрируемых входят те, кто не чувствует своей аффилированности с местным сообществом, предпочитает в своем окружении общаться исключительно на национальном языке, ощущает страх и регулярно испытывает на себе негативное отношение местных жителей. Представители данной группы разделяют убеждение, что «местные» никогда не смогут принять их культуру, образ жизни и систему нравственных и ценностных ориентаций. Представители этой группы в большей степени ориентированы на самосегрегирование / самоизоляция, стараются стать предельно «невидимыми» в публичном пространстве, создают свои сети информирования (об угрозах, возможных ресурсах и др.) и взаимной поддержки (социальной, финансовой и т.д.).

В группу частично интегрированных были отнесены те, кто не вошел в описанные выше типы.

В рамках проведенного исследования были опрошены как представители отдельных миграционных сообществ, так и представители группы «большинства», что позволило составить достаточно адекватную картину межэтнического взаимодействия в Саратовской области. В фокусе исследования находилась система кросс-культурных отношений между принимающим региональным сообществом и мигрантскими группами (определяемыми по территории исхода).

На наш взгляд, ключевым элементом выстраивания гармоничных межэтнических отношений между принимающим сообществом и миграционными группами является потенциальная готовность группы большинства принять / включить иммигрантов. При этом доминирующие ценностно-нормативные установки большинства, определяющие характер и формат взаимоотношений, играют ключевую роль.

Характерным аспектом является уровень идентификации респондентами из группы «большинства» себя как жителей страны. Подавляющее большинство опрошенных считает, что, несмотря на различия в уровне дохода, образования, месте и условиях работы и проживания, необходимо себя позиционировать только как гражданина страны. Отчасти это связано с психологической мобилизацией в контексте событий на юго-востоке Украины и, соответственно, активным информационным воздействием массмедиа на жителей региона, в котором всячески подчеркивается необходимость осознания себя как гражданина великого государства. Лишь малая доля респондентов (4%) заявила о необходимости позиционирования себя как представителя отдельной национальности (вне принадлежности к тому или иному государству). Столь высокий уровень гражданской (социальной) идентичности, на наш взгляд, объясняется, с одной стороны, стремлением к унификации различий (этнических, культурных, лингвистических и т.д.), что серьезно упрощает систему социальных, политических и экономических отношений и последующее формирование власти «в глубинке»; а с другой — демонстративным проявлением лояльности к государству (а значит и проявлением декларируемой самоидентификации).

Однако необходимо понимать, что столь высокий уровень гражданской и региональной самоидентификации при постановке вопроса о принадлежности / лояльности к государству (наличие статуса гражданина) раскалывает общество на две части: «гражданин (свой)» и «не гражданин (чужой)» — со всеми вытекающими из этого скрытыми коннотациями. В частности, это своего рода «новая» граница, поляризующая общество. Вопрос политической (гражданской) лояльности и внутренней борьбы за сохранение (и / или развитие) этнокультурной идентичности способен провоцировать реальные стычки и конфликты, основанные на структурной конкуренции за социальный статус, рабочие места, доступ к институтам власти.

В условиях последствий экономического кризиса и новых экономических санкций в отношении России уровень дохода среди населения местных (ло-

кальных) сообществ стал одним из ключевых аспектов, отражающих социально-экономическую дифференциацию, и через ее призму происходит восприятие мигрантов как потенциальных и реальных конкурентов на рынке труда.

Так, лишь пятая часть (20%) респондентов из числа местного (принимающего) населения оценивают свое материальное положение как хорошее. В основном это люди, проживающие на территории региона достаточно долго либо родившиеся здесь и обладающие достаточно солидным социальным статусом, имеющие высшее образование и занятые в сфере менеджмента предприятий, представительствах крупных компаний и т.д. Эта группа респондентов практически не видит в иммигрантах угрозы своему социальному, экономическому и политическому статусу, однако испытывает настороженность в их отношении, поскольку чаще всех реально встречается с ними на предприятиях и в организациях, видя их исключительно в качестве подсобных рабочих и разнорабочих (грузчиков, уборщиков).

Однако почти половина респондентов (48%) оценивают свое материальное положение как нормальное, которое характеризуется стабильным доходом, достаточным для удовлетворения текущих потребностей и в определенной степени для создания накоплений и последующих инвестиций. Данная группа представлена по большей части лицами, имеющими среднее специальное образование (техникумы, ССУЗы) и занятыми в реальном сегменте рынка труда (строительство, машиностроение, нефтехимия, автосервис). В этой подгруппе респондентов в основном и доминируют мигрантофобские настроения, связанные с потенциальным риском потери рабочих мест, поскольку, будучи наемными работниками, они могут оказаться не в состоянии конкурировать на рынке труда с более дешевой рабочей силой, причем иногда имеющей и более высокую квалификацию. В частности, в настоящее время в сегменте строительства иммигрантов активно привлекают к работе не только на «нулевом» цикле (рытье котлованов, прокладка тепловых и водных коммуникаций), но и на этапе самого строительства, отделки помещений, уборки придомовых территорий.

Подобное замещение, на наш взгляд, вызвано структурными преобразованиями локального сообщества (в рамках региона). Все достаточно квалифицированные специалисты, особенно молодые, имеют серьезные миграционные настроения и при первой возможности готовы их реализовать — переезжая в Москву, Московскую область, Самарскую область и т.д. Фактически происходит «вымывание» достаточно высококлассных специалистов рабочих специальностей и их замещение трудовыми иностранными мигрантами.

Ключевую роль в выстраивании межэтнических отношений имеет и темпоральная характеристика, предусматривающая потенциальные оценки будущего социально-экономического развития как отдельных домохозяйств, так и региона в целом. К примеру, оценивая перспективы увеличения дохода (с учетом профессиональных навыков, знаний, возраста, личных качеств) треть опрошенных (33%) из числа местного населения заявили, что эти перспективы хорошие. Так считают лица среднего возраста с высшим образованием, работающие в достаточно крупных и успешных компаниях. Занимая, как

правило, ниши высокооплачиваемой работы и имея хорошую квалификацию, представители данной группы не видят угрозы (в форме конкуренции) со стороны иностранных трудовых мигрантов и практически не испытывают мигрантофобии.

В то же время почти половина жителей региона отметили неуверенность в своем материальном будущем. Это те, кто испытывает на себе давление конкуренции с более дешевой иностранной рабочей силой. Неуверенность в будущем порождается и неустойчивостью определенных сегментов рынка (торговля, строительство), и относительно невысокой профессиональной квалификацией, и блокированными, по сути, вертикальными социальными лифтами. Этой группой респондентов появление иностранных трудовых мигрантов (дешевого и квалифицированного ресурса) воспринимается как потенциальная угроза. В таком случае включаются эмоциональные, психологические и институциональные компенсаторные механизмы, позволяющие сохранить свой экономический и социальный статус, например, вытеснение мигрантов в отдельные сегменты рынка, как правило, непрестижные и низкооплачиваемые. Именно здесь кристаллизуется модель «расколотого» рынка труда, при котором местные имеют значительно больше предпочтений, нежели иммигранты. Кроме того, в этой экономической нише формируется специфическая модель «экономического и социального гражданства», при которой мигранты имеют возможность инклюзии в социально-экономические и локальные политические процессы, но с негласными ограничениями и навязыванием специфических фреймов поведения в локальном сообществе (от требования социальной «невидимости» и до установления критериев оценки / оплаты труда).

Практически треть опрошенных (32,5%) положительно относится к возможности активного использования труда мигрантов для малоквалифицированной работы в жилищном хозяйстве (уборка подъездов, вывоз мусора, чистка дорог и т.д.), и еще практически столько же (31%) нейтрально (безоценочно) воспринимают эту возможность. На наш взгляд, подобные оценки являются результатом устоявшихся стереотипных суждений, что, во-первых, работа в сфере жилищно-коммунального хозяйства не требует специальной (высокой и / или средней) квалификации, а, во-вторых, работа в данном секторе занятости не является социально статусной и приемлемой для значительной части населения. Однако при этом важность коммунального обслуживания многоквартирных домов в городе никто не отрицает. В рамках подобной логики использование труда иностранных мигрантов, по мнению респондентов, выглядит вполне оправданным, поскольку позволяет решить вопросы обслуживания значительной части населения таким образом, чтобы мигрантов было «не видно».

Несмотря на все усилия властей, правозащитников и национально-культурных организаций по формированию устойчивых позитивных отношений между мигрантскими сообществами и принимающим обществом, идеологема «они забирают наши рабочие места» остается сверхустойчивой, подпитываемой, с одной стороны, СМИ, а с другой — доминирующими в региональном сообществе убеждениями, которые не только определяют способы восприятия

мигрантов, но и формируют реальные практики взаимодействия и взаимоотношений. При этом формула «свой — чужой» имеет не только культурологический и лингвистический, но и политический контекст. В частности, во время исследования при ответе на вопрос об ограничении въезда в Россию из других государств минимальное количество голосов за ограничение было отдано жителям Республики Беларусь, Казахстана и Украины. Последнее объясняется социально-политическими событиями на Украине.

Не менее значимыми в современной региональной политике являются политизация и криминализация этничности: подразумевается, что иностранные трудовые мигранты совершают преступления чаще, чем местные жители. Почти половина респондентов уверена, что это так. Подпиткой подобных фобий выступают местные и региональные СМИ, регулярно ротирующие истории о преступлениях, совершенных иностранными мигрантами. Немногим более трети опрошенных (35%) считают, что это не так. К последней группе относятся в основном лица среднего возраста, имеющее высшее образование, объективно оценивающие социальную и экономическую ситуацию в регионе и стране.

Здесь необходимо отметить, что идеологема «этнической преступности» не только ротируется, но и в определенной степени политически востребована. Криминализация этничности (как и ее политизация) позволяет сформировать существенный мобилизационный капитал как в политическом, так и в социальном пространстве. Идею «борьбы с этнической преступностью» регулярно используют на выборах местного и регионального уровней, с ее помощью поднимают рейтинги новостных передач и т.д. По сути, декларирование борьбы с «этнической преступностью» стало одним из механизмов легитимации деятельности органов власти, силовых структур.

В этой ситуации вполне объяснимы высокий уровень мигрантофобии и готовность значительной части населения (39%) к участию в политических формах протеста против иностранных мигрантов (пикеты, акции). При этом вероятность реального проведения подобных акций практически нулевая: в регионе отсутствуют структуры (силы), способные на мобилизацию населения по подобным вопросам. Действующие организованные антимигрантские сообщества не являются активными участниками общественно-политической жизни, оставаясь маргинальными. Таким образом, высокий уровень мигрантофобии, отраженный в исследованиях, скорее является латентным, а данные не в полной мере отражают реальную ситуацию. На наш взгляд, проблема мигрантофобии (и как идеологема, и как политическая практика) более связана с вопросами «социального гражданства», при котором иностранные граждане в социально-бытовом плане становятся «своими» (соседями, друзьями, коллегами по работе).

Опираясь на проведенный анализ можно сделать следующие выводы.

Во-первых, несмотря на собственный миграционный опыт (многие приехали в область из других регионов бывшего СССР), члены местного сообщества не стремятся к «встречному» движению к нынешним мигрантам, полностью перекладывая затраты по интеграции и адаптации на самих миг-

рантов. Предполагаются лишь односторонние усилия, а не диффузное движение, при котором происходит взаимоизменение ценностно-мотивационных установок и паттернов поведения.

Во-вторых, анализ результатов серии исследований убедительно показывает, что в доминирующем дискурсе мигранты воспринимаются как необходимый, но побочный трудовой ресурс. При этом существующая система цивилизованных отношений «местные — мигранты» такова, что способствует не столько интеграции, сколько сепарации. Местное население воспринимает мигрантов исключительно как трудовой ресурс, не видя в них потенциальных сограждан.

В-третьих, возможность появления мигрантов в частично приватной сфере (больницы, школы) вызывает у основной части населения фобийные страхи и запускает механизмы их канализации (дистанцирование, стремление к минимизации контактов, отторжение).

В этих условиях наиболее приемлемым вариантом представляется использование наиболее эффективных инструментов этнокультурной политики (например, СМИ) на уровне локального сообщества и региона, которое позволило бы расширить интеграционный потенциал местных жителей за счет расширения представлений плюсов культурного, этнического и лингвистического разнообразия.

Библиографический список

1. Дробижева Л.М. Потенциал межэтнического согласия: осмысление понятия и социальная практика в Москве // Социологические исследования. 2015. № 11. С. 83–93.
2. Малахов В. Культурные различия и политические границы в эпоху глобальных миграций. М., 2014.
3. Мокин К.С. Групповые стратегии интеграции этнических миграционных сообществ. Саратов, 2006.
4. Официальный сайт Управления федеральной миграционной службы России по Саратовской области. URL: <http://www.64.fms.gov.ru/>
5. Общественное мнение – 2015. URL: <http://www.levada.ru/sbornik-obshhestvennoe-mnenie/obshhestvennoe-mnenie-2015/>
6. Зорин В.Ю. О конфликте в городе Пугачеве Саратовской области // Этнополитическая ситуация в России и сопредельных странах в 2014 году: ежегодный доклад Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов / под ред. В.А. Тишкова и В.В. Степанова. М., 2014. С. 121–126.
7. Мукомель В.И. Проблемы интеграции внутрироссийских иноэтничных мигрантов // Социологические исследования. 2016. № 5. С. 69–79.
8. Барышина Н.А. Нацстроительство: региональный уровень. Саратов, 2013.
9. Communication from the Commission to the Council, the European Parliament, the European Economic and Social Committee, and the Committee of the Regions on Immigration, Integration and Employment. URL: <http://www.statewatch.org/semDOC/assets/files/commission/COM-2003-336.pdf>
10. Мукомель В.И. Свои «иные»: внутрироссийские иноэтничные мигранты в Московском мегаполисе // Федерализм. 2015. № 1 (77). С. 79–92.